

Сев. цирк, 1986, 19 дек.

Я взялась писать о жонглере Сергее Игнатове. Артиста этого я хорошо знаю и люблю; номера его, кажется, помню наизусть. И вот остановилась перед проблемой: какой жанр избрать для моей статьи — рецензию, очерк, эссе, творческий портрет. Сейчас довольно много говорят о музыке в цирке, и в связи с именем Игнатова тоже возникает немалое число споров и недоумений. Не слишком ли самонадеян актер, решившийся исполнять свой, пусть даже очень хороший, но цирковой номер под музыку Шопена? Что из этого вышло, и вышло ли что-нибудь?

Я не могу писать рецензию — ибо номер Игнатова еще только рождается. Я не могу писать портрет актера — потому что черты исполнительской личности сегодня раскрывают себя иначе, многое меняется в образе и в облике Игнатова на манеже. Перед нашими глазами проходит сложный и противоречивый творческий процесс. Статья в газете — событие точечное, остановка, фиксация вещей преходящих и, возможно, случайных. Но пробовать разобраться все же хочется. А потому я сажусь за письменный стол, так и не выбрав определенного жанра для своего материала.

МУЗЫКА в ряду других искусств кажется самым независимым, наиболее отстраненным от жизненной конкретности видом. Искреннюю радость восприятие по-настоящему серьезной музыки доставляет человеку подготовленному; чем выше уровень общей музыкальной культуры слушателя, тем глубже и богаче восприятие. Но замкнутый „элитарный” мир большой музыки все же не так уж закрыт непосвященному. Музыка способна раскрывать себя через человеческую пластику и

вокал, через цвет и линию. А коль скоро это так, то путь к сердцу даже неуклюжего циркового зрителя открыт музыке.

Сергей Игнатов. Жонглер с мировым именем, цирковой актер высочайшей категории. Кто не видел его номера хотя бы раз?! И вот сегодня приходится слышать о том, что номер Игнатова стал хуже, потерял цельность, потерял законченность.

Трудно писать об этом номере сейчас, ибо то, что демонстрирует сегодня на московском манеже Игнатов, — это лишь контур будущего номера, уверенный и талантливый — но набросок. Могу лишь поправить тех, кто бранит сегодня работу жонглера: номер не потерял цельность и законченность, новый номер Сергея Игнатова еще не приобрел их. Всего еще не хватает здесь — продуманного срежиссированного света, точного цветового соотношения

предметов, безукоризненного по фасону и оттенку костюма, не хватает и эластичных оркестровых связок между отдельными музыкальными кусками — ведь фонограмма не может заменить живого дирижера, чутко следящего за движениями артиста, начинающего работу.

Да, многого не хватает еще для того, чтобы назвать этот небольшой номер вершиной современного цирка.

ПОИСКИ

Потенциально в номере уже присутствует все. Есть четкий замысел, подобраны музыкальные фрагменты, продумано соответствие трюковой работы и общей задаче, и конкретным музыкальным фразам. Дело за малым — из превосходного материала создать шедевр.

Те, кто недоволен нынешней работой Игнатова, по-своему правы: во время прошлых гастролей артиста в Москве номер смотрелся лучше. Тем большее чувство уважения испытываешь к актеру, постоянно думающему о развитии и совершенствовании.

Вчера пресса восторженно писала об образе исполнителя. Сегодня уже можно говорить об образе номера.

В сегодняшнюю задачу Игнатова, как мне кажется, входит доведение в его спектакле всех без исключения компонентов до полного слияния. Уже теперь есть в номере эпизоды, когда забываешь обо всем — о цирке, о трудном жанре, о технических высотах исполнения — и следишь только невесомый полет колец, плывущих в луче света. Будто чуткие пальцы актера сами ткуют из циркового неба удивительную музыку.

Изменился и исполнитель. Переодевшийся герой Игнатова — герой романтический, внешне отрешенный и холодный, внутренне тонкий и ранимый. Когда он прядет воздух своими бесплотными кольцами, понимаешь: на манеже — откровение. Но откровение, не терпящее панибратства. Исполнитель так же хрупок и так же совершенен, как архитектурная нереальность, которую он сплетает из нитей музы-

И. ДУГИНА.

ЖАНРА

ки над своей головой...

Трудно и радостно писать об актере, в облике которого, в существе жизни на сценической площадке кроется для тебя загадка. Эту загадку не хочется переводить в слова, расшифровывать. Просто хочется еще пережить удивительное ощущение тайны, которое рождается при встрече с истинным мастером — будь то композитор, живописец, поэт или жонглер. Тех, кто в нашем цирке способен такую загадку создать, — единицы. Сергей Игнатов — один из них. И поэтому он — единственный.

Становление номера совершается на наших глазах. Мы становимся свидетелями удивительных вещей — то кажется, будто артист превращается в совершенный музыкальный инструмент — и пальцы и сердце его служат Шопену до полного, до поразительного слияния; то человек со сверкающими булавами в руках спорит с музыкой — своим обликом, своими движениями, создавая иную гармонию и все же ни на такт не теряя ведущего его ритма; а то вдруг мы видим перед собой художника, словно вот только сейчас впервые творящего эту музыку.

...А в номере будет все: будет точно выстроена партитура света, будет единственно возможный — как последний штрих к образу — костюм, будут приглушенные, чувствительные к

игре луча краски предметов, родится органичный и сильный финал. Все это будет. И тогда, выбирая жанр для материала о Сергее Игнатове, я, возможно, решусь писать поэму...

Фото Г. Поляка.

